

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902/904

DOI: 10.17223/19988613/75/20

О.М. Аношко, С.В. Берлина, С.И. Цембалюк

К ПРОБЛЕМЕ ЗАУРАЛЬСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ: ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИИ ГОРОДСКИХ СТРУКТУР

*Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства
образования и науки РФ, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей:
человек, природа, социум», № 121041600045-8.*

Предложена гипотеза, характеризующая динамику урбанизационных процессов в Зауралье в широком хронологическом диапазоне – от зарождения протогородских структур в конце II тыс. до н.э. до появления первого российского военного, политического, административного, торгово-ремесленного и культурного центра Сибирского края. На основе анализа археологических материалов установлены причины и предпосылки появления поселений предгородского и городского типов, определены их историко-культурные особенности и функциональное назначение в разные хронологические периоды.

Ключевые слова: Зауралье, модель урбанизации, протогорода, городские структуры

Введение

Проблемам урбанизации посвящено множество работ как в отечественной, так и в зарубежной литературе, а само понятие «город» предстает сложным и многогранным явлением. Тем не менее в учебниках, научно-популярных книгах, энциклопедических словарях и научных публикациях дано практически одно и то же определение поселения городского типа с некоторыми вариациями. Этот термин, как и сами критерии выделения города, подвергался изменениям со временем. Исторически он происходит от наличия на площади поселения оборонительных сооружений – рва, вала, деревянной стены [1. С. 140], а этимология слова «город» – «град» дословно означает огороженное, защищенное место [2. С. 17–16]. С развитием урбанизации города «обрастали» новыми функциями, каждая из которых в тот или иной исторический период могла быть преобладающей, и становились многофункциональными центрами. В XX в. под этим термином в основном понимают крупный населенный пункт, жители которого преимущественно не заняты сельскохозяйственной деятельностью [3. С. 281].

Зарождение процесса урбанизации в Зауралье и Сибири в целом исследователи связывают с началом российской колонизации, когда в конце XVI в. здесь появились первые города и остроги. Концепция, характеризующая генезис и развитие урбанизации в этом регионе до прихода русских, практически не рассматривается. Но по археологическим данным известны памятники древнего периода, раннего и позднего Средневековья, безусловно, не имеющие больших размеров, но наделенные характерными для городского поселения признаками: наличием ремесла, торговли,

власти, предметов военного оснащения (и, соответственно, военного дела как специализации), элементов городской застройки, фортификационных сооружений. Однако построение модели урбанизации на региональном уровне возможно только в хронологической последовательности: от зарождения протогородских структур до появления первой сибирской российской столицы.

Широкий хронологический диапазон раскопанных в лесостепном и подтаежном Зауралье памятников позволяет рассмотреть поселения городского типа как по отдельности, так и в сравнении с поселенческими структурами предшествующего и последующего времени и способствует реконструкции исторического процесса урбанизации. Крепости являлись центрами возникновения и трансляции культурных инноваций, обуславливавших изменения в древних и средневековых обществах и определявших развитие региона в целом.

Изучение градообразования в Зауралье приобретает особое значение еще и потому, что по своему географическому положению этот регион находится в зоне межкультурных и межцивилизационных контактов, где активно взаимодействовали носители многих культур, развивавшихся в разных ландшафтных зонах: в лесу, лесостепи и степи. Археологические источники свидетельствуют, что основное место локализации укрепленных поселков – лесостепная полоса, с запада ограниченная горами Урала, с юга – обширными степями Казахстана, с севера – массивом тайги. Это крупный микрорайон, по которому протекают реки Исеть, Тобол, Ишим, большое количество притоков, имеется много озер. Территория благоприятна для ведения разных видов хозяйственной деятельности: скотоводства, охоты, рыболовства, собирательства дикоросов.

Изменения климатических условий в лесостепи и на сопредельных территориях в древности приводили к подвижкам населения с севера и юга, в результате чего шел активный процесс культурогенеза. С одной стороны, сюда чаще проникали нововведения, с другой – нередко возникала социальная напряженность между коллективами. Эти факторы стимулировали процесс зарождения и развития укреплённых поселков.

Вопросы методологии.

Для построения любой исторической модели необходима репрезентативная источниковая база. Археологический материал, характеризующий различного рода поселения, фортификации, жилищные, производственные и иные комплексы, материальную и духовную культуру и хозяйственную деятельность древнего и средневекового населения Зауралья, служит надежным основанием для изучения процесса урбанизации этого региона. Письменные источники позднего Средневековья и Нового времени вместе с данными археологии и этнографии позволяют получить сведения о городских поселениях аборигенного населения, установить особенности возникновения первых русских сибирских городов – Тюмени и Тобольска, выявить закономерности и тенденции их развития, место и значение в истории периода освоения русскими Сибири.

Неоспорим тот факт, что для всестороннего анализа зауральского городского поселения той или иной эпохи, определения причин и обстоятельств его появления, а также особенностей поселенческих структур на разных этапах урбанизации необходим междисциплинарный подход. Привлекая разные методологические подходы, естественнонаучные и гуманитарные методы, можно проследить достаточно длительные стадии протогородского и раннегородского существования, выявить признаки трансформации предгородского поселения собственно в город, вычленив историко-культурные особенности городских структур бронзового и раннего железного веков, раннего и позднего Средневековья, Нового времени. Комплексный анализ археологических, письменных, картографических и иных материалов способствует исследованию разных аспектов процесса урбанизации как в конкретном территориально-хронологическом плане, так и в историческом масштабе. В подобного рода исследованиях используются культурологический, структурный, системный, феноменологический, синергетический, ареальный и другие подходы [4], а также разнообразные методические приемы: традиционно-исторические, типологические и экспериментально-трассологические методы, поиск аналогий, статистические приемы обработки данных, палинологические, палеозоологические, палеоботанические и химические анализы, способы картографирования, абсолютное и относительное датирование и ряд других [5].

Немаловажно при изучении урбанизационного процесса установить межкультурные контакты, явления аккультурации, воздействие одной культуры на другую, заимствования протогородских и городских форм жизнеустройства и преемственности в их развитии,

а также рассмотреть поселенческие структуры древних и средневековых обществ в следующих ракурсах: территориально-поселенческом (геоландшафтном, экологическом и демографическом), производственно-экономическом, архитектурном, историческом, социологическом и др. На следующем шаге возможна разработка типологии протогородов и городов по таким показателям, как размеры и плотность заселения поселков, производственная, хозяйственная и торговая деятельность их жителей, особенности архитектурно-планировочной композиции и фортификационной системы поселений, их административно-политическое, религиозное значение и уровень социальной стратификации коллективов.

Если двигаться в этом направлении, то урбанизационные процессы раскрывают основные этапы, пространственные закономерности и плотность заселения территории Зауралья в тот или иной период, систему жизнеобеспечения древнего и средневекового зауральского населения, особенности социальной, в том числе семейной, организации их жителей, административно-политический статус протогородов и городов в определенную эпоху. Интерпретация их функционального назначения подразумевает ответ на вопрос: являлись ли они центрами военной либо политической, административной, хозяйственной, торговой или культурной деятельности, – при этом необходимо учитывать влияние внешних и внутренних факторов, а также историко-культурные особенности поселенческих структур тех или иных конкретно-исторических обществ. Воссоздание архитектурного облика древних и средневековых поселенческих структур эффективно при типологизации построек и оборонительных сооружений и реконструкции их внешнего вида.

Укреплённые поселения Зауралья

Первые укрепленные поселения в лесостепном Тоболо-Ишимье появляются в эпоху поздней бронзы, в XI в. до н.э. Возникновение городищ связывают с природно-климатическими изменениями в конце II – начале I тыс. до н.э., получившими название «экологический стресс» [6]. Одно из самых ранних укрепленных поселений в зауральском регионе – городище Заводоуковское 11, принадлежавшее пахомовской культуре и датированное концом XI в. до н.э. В ходе исследований установлено, что небольшой пахомовский поселок располагался на невысокой гриве у старицы р. Ук, состоял из неукрепленного посада и крепости, защищенной сравнительно неглубоким рвом, огибавшим ее по дуге с напольной стороны. На дне рва, судя по обнаруженным ямкам, были установлены столбы, образующие бревенчатую стену типа тына или частокола. Впоследствии ров оказался заброшенным, а на расстоянии около 5 м от него был выкопан новый, рядом с которым на внутренней площадке насыпан земляной вал, при этом фортификационные сооружения стали более мощными и круговыми. Кто представлял опасность для жителей поселка, точно сказать невозможно, но, исходя из общих культурных процессов, происходивших на территории Тоболо-Исетья, предположительно это были черкаскульские коллективы. Возведе-

ние фортификационных сооружений, а также следы их перестроек, полагаем, указывают на обострение отношений, по неустановленной пока причине, «заводоуковской» пахомовской общины с ее соседями. При этом как на других участках Тоболо-Исетского междуречья пахомовские и черкаскульские коллективы мирно сосуществовали и занимали разные экологические ниши, что объясняется различиями в их системах жизнеобеспечения [7].

На бархатовских укрепленных поселениях (Миасское, Красногорское) выявлены все элементы, свойственные фортификационной системе древности: рвы, валы, дополнительные деревянные и земляные сооружения [8. С. 204–205]. Небольшие размеры рвов и валов указывают на малую вероятность существования трудно преодолимых заграждений, характерных, например, для населения эпохи бронзы Южного Кавказа и Восточной Европы [9, 10]. Тем не менее использование высоких крутых берегов и дополнительное укрепление вала бревенчатой стеной усиливали защиту бархатовских городищ от нападений. Появление фортификаций на заключительном этапе бронзового века фиксируется не только у представителей бархатовской культуры, но и у их соседей – сузгунского (Абатское 6, Чудская гора, Чеганово 3), гамаюнского (Андреевские городища 5 и 7, Палкинское, Фунтусовское и др.) населения и у приишимских групп, оставивших памятники с крестовой керамикой [11. С. 33–41; 12. С. 58–59; 13. С. 39; 14. С. 101; 15]. Все это говорит об усилении военной опасности, которую почувствовало население разных районов Западной Сибири в конце эпохи бронзы. Причину появления крепостей в этот период большинство исследователей соотносят с климатическими изменениями – повышением уровня воды в реках, следствием чего стала миграция на юг таежных групп – носителей крестовой керамики, что привело к возникновению здесь социальной напряженности и строительству местным населением фортификаций с целью защиты от чужеземцев [16. С. 105; 17. С. 42]. При этом городища данного периода отличаются от более поздних, относящихся к раннему железному веку, менее мощными укреплениями и являются не столь многочисленными. В первую очередь они выполняли функцию жилого поселка, и лишь затем – оборонительную.

В переходное от бронзового к раннему железному веку время получили распространение поселения, защищенные фортификациями круговой планировки (известно более 45) [18. С. 153]. Они были оставлены носителями иткульской культуры, соорудившими, судя по небольшим параметрам валов и рвов, деревянные заборы с канавкой у основания [19]. Данные крепости локализовались в основном на границе тайги и лесостепи, зачастую имели упорядоченную планировку: жилища располагались по кругу с внутренней стороны фортификаций, а в центре – большая незастроенная площадка, возможно, для содержания и охраны скота. Для памятников иткульской культуры характерны как одиночные, так и сдвоенные площадки, достигавшие от 1 до 9 тыс. кв. м, реже до 64 тыс. кв.м.

В этот же период появились первые укрепленные поселки населения байтовской культуры, которые на

раннем этапе ее существования обносились заборами-частоколами, установленными в неглубокий ров, грунт из которого использовался для насыпи вала (Боровушка, Бочанецкое). На байтовских городищах, помимо обычной хозяйственной деятельности (гончарство, обработка шкур, дерева), зародилось металлообрабатывающее ремесло [20]. То есть укрепленные поселения становились ремесленными центрами. Уже в начале раннего железного века, на поздней стадии функционирования байтовской культуры, мощность оборонительных линий резко возросла, появились предвратные башни (Лихачевское, Большой Имбиряй 3) [21. С. 58; 22]. Во-первых, это связано с развитием экономики и сменой характера скотоводства, что вызвало социальную стратификацию общества, а во-вторых, с проникновением в лесостепь степных коллективов, с формированием саргатской общности, что могло вызвать социальную напряженность в среде населения.

В зауральской лесостепи в эпоху раннего железа одновременно проживали носители байтовской, гороховской и саргатской культур, что привело к росту плотности обитателей и, как следствие, к увеличению количества поселений и крепостей в несколько раз по сравнению с бронзовым веком. Если для эпохи поздней бронзы нами зафиксировано 12 городищ, то в раннем железном веке отмечено более 70 единиц, а для средневекового периода – 35 [23]. Около половины городищ раннего железного века было оставлено смешанным населением, что свидетельствует о контактах и ассимиляции в среде древнего общества. Но, вероятно, не все контакты носили мирный характер, так как для этого времени фиксируются эволюция и многообразие решений в устройстве фортификаций. Ряд анализов средствами ГИС показал, что ведущими факторами в расположении городищ были безопасность и пригодность рельефа для устройства укреплений, а также экологическая емкость территории, наличие природных богатств. Основная функция поселков заключалась, на наш взгляд, в сохранении жизни и имущества. Полагаем, что со временем отдельные городища постепенно трансформировались в политические и экономические центры. Анализ возможностей телекоммуникации показал, что население городищ могло сигнализировать другим поселкам об опасности. Гипотеза же о расположении на пересечении важных экономических путей или возникновение как форпостов освоения территории не подтвердилась [23]. Скорее, наоборот, население городищ, расположенных в удобном и экологически емком месте, постепенно увеличивалось (в том числе за счет возникновения селищ за пределами фортификаций), и крепости приобретали новые функции.

В III веке до н.э. – I веке н.э. основным населением Зауралья стали представители гороховской и саргатской культур, имевшие торговые связи с Приуральем, сакским степным миром, Китаем и Передней Азией [24. С. 291–300]. В этот период наблюдается своеобразный «расцвет» конструкций и вариаций фортификаций: укрепления в плане округло-овальных, трапециевидных, подтреугольных форм, с выступами-башнями, часто двух-трехплощадочные, появилась эшелониро-

ванная оборона. Из элементов укрепления зафиксированы эскарпирование склонов, строительство стен в виде плетней, частоколов, стен в пазово-шиповой технике, сооружение клетей, заполненных землей, при этом оборонительные стены могли располагаться как на валу, так и во «фру» – канавке по периметру поселка. То есть реализовывались различные схемы-сочетания элементов укреплений: вал с сооруженной на нем стеной и рвом у основания, стеной, установленной в канавку по периметру поселка, стеной, установленной с внутренней стороны рва. Зафиксированы укрепление стенок рва деревом, создание сложных входов и выступов в оборонительных линиях, интерпретируемых некоторыми исследователями как прообраз бастиона (башни) [25. С. 16]. Так, на Коловском городище зафиксированы стена в технике заплота, стена-плетень, стена с клетями, заполненными мусором в теле вала, поверх, вероятно, укрепленная частоколом / плетнем(?), у основания стен проходили рвы, для одного из них зафиксировано укрепление стенки деревом, между стеной и рвом отмечена берма [25, 26]; городище Ак-Тау по периметру было обнесено стеной-плетнем, установленной на вал, а ров у основания был облицован деревом [27. С. 129]. На Рафайловском городище зафиксировано несколько этапов перестройки фортификаций, из элементов отмечены стена, сооруженная в технике заплот, установленная на валу, укрепление стенок рва деревом на участке у въезда [28]. Для периода эпохи раннего железного века Старо-Лыбаевского городища Н.П. Матвеевой реконструирована стена, усиленная башней [29]. На гороховско-саргатском городище Павлиново исследователями реконструированы срубные деревянные конструкции в теле вала, позволяющие повысить его высоту и мощность, поверх вал был укреплен частоколом, ров, предположительно, облицован деревом [30. С. 248]. На городищах Чудаки, Мало-Казахбаевское, Марьино Ущелье 4 зафиксировано строение фортификаций в виде частокола, установленного в канаву глубиной до 2 м [31–34].

На наш взгляд, в этом многообразии фортификационных элементов и вариативности их совмещения отражается поиск оптимальных архитектурных решений для повышения обороноспособности поселков. При исследовании памятников выделены элитарная военизированная верхушка общества, слой рядовых воинов и простых жителей, кроме того, в могильниках и на поселениях раннего железного века зафиксированы предметы роскоши, военное вооружение, предметы импорта [24, 35]. Эти факторы указывают не только на социальную стратификацию общества, но и на наличие ремесла, военного дела, торговли, которые также являются признаками городов. При этом данные признаки характерны не для всех укрепленных поселений. В лесостепной зоне известно около 40 крепостей данного периода, среди них только шесть городков имеют признаки крупных социально-политических центров (городища Батаково, Коловское, Марьино ущелье, Павлиново, Рафайловское, Чудаки). На их цитадели прослежены следы ремесла, упорядоченная застройка, наличие элитных жилищ, свидетельства международной торговли / обмена, а за пределами оборонительных

линий – неукрепленные посадки. То есть в раннем железном веке шел процесс выделения из ряда укрепленных поселков отдельных городищ, которые становились социально-экономическим и административным центром округа.

На рубеже веков на процесс урбанизации в Зауралье повлияло великое переселение народов, торговые связи были нарушены, а большая часть населения ушла с завоевателями на запад. В эпоху раннего и развитого Средневековья количество городищ, как и поселений в целом, сократилось, но увеличились параметры фортификаций городков, отличавшихся большой площадью и мощностью оборонительных конструкций, а их схема стала относительно унифицированной (укрепление тела вала с помощью тарас, клетей, установление поверх дополнительных заборов, частоколов, плетней, наличие рва у основания вала, усиление рва с помощью вертикально установленных кольев). Так, на памятниках бакальской культуры зафиксированы бревенчатые стены, обмазанные глиной, и глинобитная башня (Малое Бакальское городище); стена и башня, обмазанные глиной, изучены на городище Ласточкино Гнездо, на этом же памятнике отмечено укрепление стенок рва деревом на участке у въезда, и под башней исследован подземный ход [36]; башнеобразные выступы изучены на Логиновском городище [37]. Тарасы в основании стены и сооружение бастионнообразного выступа зафиксированы на городище Усть-Утяк 1 [38. С. 48]. На Большом Бакальском городище зафиксированы элементы деревянной стены, на валу первой площадки – предположительно тарас, на валу второй площадки – частокол [38]. На Коловском городище изучены тарасы, установленные в теле вала и заполненные мусором, в том числе строительным [26]. На Усть-Терсукском городище изучены въезд и частично стена, установлен факт облицовки тела вала жердями, со стороны поймы мыс был эскарпирован, в основании эскарпа установлен частокол [38].

На юдинских памятниках изучены деревянные конструкции или срубы в теле вала, а также частоколы во рву и за его пределами (Юдинское городище [39]); частокол во рву отмечен на Красногорском городище [40]; деревянными заборами поверх вала были укреплены городища Святой Бор – V и Криволукское, на последнем зафиксирована предположительно наблюдательная вышка [41].

Формированию и актуализации укреплений в лесостепной зоне способствовала инфильтрация тюрок начиная с VII в. н.э. [42]. При этом если для юдинского населения, ареал обитания которого сопоставим в основном с лесной зоной, отмечено множество мелких укрепленных поселков, то для бакальского населения, занимавшего буферную зону между лесом и степью, фиксируется процесс формирования и выделения больших центров-городов из общей массы укрепленных поселений – к ним можно отнести Большое Бакальское, Усть-Терсукское городища, возможно, Красногорское.

Археологические материалы свидетельствуют, что в Средневековье значительно вырос социально-экономический статус отдельных укрепленных поселений,

не только выполнявших оборонительную функцию, но и имевших административно-политическое и религиозное значение.

Переломным моментом в историческом процессе урбанизации являлся период позднего Средневековья. По немногочисленным письменным источникам, в основном сибирским летописям, известно, что в XIV в. на зауральской территории, в среднем течении Тобола и междуречье Туры и Тавды, сложилось татарское государственно-политическое объединение – Тюменское ханство, вошедшее в состав улуса Джучи (Золотой Орды) и оказавшееся вовлеченным в мировую политическую и экономическую систему, что привело к активизации процесса тюркизации населения и изменению исторически сложившейся урбанизационной структуры [43. С. 62–72; 44]. Резиденция хана в это время находилась в Чимге-Туре, являвшейся форпостом исламской культуры в сибирском регионе. Судя по ремезовским чертежам и поздним картам XVIII в., этот татарский город, защищенный земляным валом и широким рвом с напольной стороны высокого мыса р. Тюменки, не только выполнял военно-оборонительную функцию, обеспечивавшую охрану богатств хана и знати, но и главным образом был крупным центром караванной торговли. В исторической части Тюмени раскопками выявлен слой, связанный с культурой сибирских татар, но, к сожалению, содержащий рядовой материал [45. С. 177–180; 46. С. 51]. В конце XV в. столица нового Сибирского ханства, подчинившего Тюменское, была перенесена в Кашлык (Сибир, Искер), располагавшийся на краю обрывистого берега р. Иртыш, дополнительно укрепленного глубокими оврагами р. Сибирки и мощной фортификацией, представленной рвом по дну лога и двойной линией деревянных стен с фланкирующими П-образными выступами [47. С. 55]. Постоянное обрушение иртышского берега привело к уничтожению основной площади этого памятника, однако на сохранившихся участках в разные годы проведены небольшие археологические исследования, установившие несколько этапов застройки города и показавшие конструктивные особенности его фортификационной системы [48]. Помимо Искера – главного административного и военного центра Сибирского ханства, другими военно-опорными пунктами в западносибирском регионе были Явлу-Тура (р. Тобол), Кучум-гора (р. Ишим), Кызыл-Тура (Усть-Ишим), Тон-Тура (р. Омь) и др.

Мощным толчком к преобразованию зауральского региона и Сибири в целом послужило покорение Сибирского ханства Московскому государству и продвижение русских землепроходцев на восток с конца XVI в., что привело к образованию новых городов и острогов [49]. Археологические материалы, полученные при раскопках этих памятников, свидетельствуют, что городские поселения, возникшие на просторах Сибири в процессе ее колонизации, не только выполняли функции военно-управленческой крепости, но и были опорными пунктами ведения ремесленных, промысловых и сельскохозяйственных занятий, а главное – распространения ценностей русской культуры [50].

Многолетние археологические исследования Тобольска свидетельствуют, что на раннем этапе российской колонизации военно-оборонительная функция Тобольска была наиважнейшей. Сеть улиц и расположение кварталов этого города исторически сложились под влиянием локализации и конфигурации деревянных острожных укреплений, возведенных в разные периоды XVII в. [51; 52; 53. С. 25–27; 54; 55].

В результате археологических исследований удалось реконструировать размеры, устройство и внешний вид посадских укреплений [56]. К ним отнесены остатки частоколов, представленных несколькими канавами с древесным тленом от столбов и являвшихся частью острога в разные периоды его функционирования. Данные планиграфии и стратиграфии указывают на разновременность и периодический ремонт исследованных тыновых сооружений, что подтверждает информацию письменных источников, свидетельствующих о перестройке, переносе с одного места на другое и гибели острожных укреплений при пожарах. Самая мощная линия фортификаций представлена канавой, в которую, судя по фрагментам бревен в ее заполнении и их отпечаткам на дне котлована, были установлены столбы, образовавшие сплошную стену типа тына. На изученном участке фортификационной линии также обнаружены остатки основания деревянной башни, наземная конструкция которой не сохранилась. Вдоль частокола с башенкой выявлена еще одна линия столбов, являвшихся опорами пристроенного к ней помоста, с которого в случае необходимости было удобно и наблюдать за неприятелем, и обстреливать его. По историческим данным, укрепления, построенные вокруг посада Тобольска в 1688 г., были не только самыми мощными в истории города, но и самыми последними по времени, поэтому позднейшую фортификационную линию с помостом и башенкой, зафиксированную в ходе раскопок, мы склонны относить именно к этому времени.

Письменные источники показывают роль Тобольска как административно-политического, духовного и культурного центра сибирского края вплоть до второй четверти XIX в., являвшегося местом пребывания представителей российской государственной исполнительной и судебной власти, сибирской епархии [57–59].

Тобольск являлся не только торговым центром, но и местом интеграции русских переселенцев и полиэтнических групп коренного населения Сибири, здесь осуществлялись межкультурные контакты, носившие в основном мирный характер, процессы аккультурации и адаптации, заимствования бытового уклада, зарождались новые духовно-культурные и жизнеобеспечивающие традиции, распространявшиеся на остальные сибирские территории. Исследователи отмечали, что коренное население напрямую или опосредованно через столичный город в культурном и духовном плане испытывало влияние Европейской части России [57, 60]. Археологические материалы подтверждают данную точку зрения: находки из культурного слоя в основном российского происхождения, среди них предметы, связанные с христианской атрибутикой, – кресты-тельники, перстни, пуговицы, печати, подвески и т.п.

Самым ценным артефактом, обнаруженным при расчистке сруба дома, является меднолитая позолоченная панagia XVI–XVII в., которая попала в первую столицу Сибири при первых архиепископах учрежденной здесь в 1620 г. епархии [61]. Свидетельством Тобольска как религиозного центра являются культовые постройки: сохранились каменные храмы позднего происхождения, а самые ранние зафиксированы лишь в результате археологических исследований – фундаменты каменной ограды Софийского двора и западных Святых ворот конца XVII в., остатки двух крестильных купален [62. С. 50], часть стены алтарной апсиды каменной Никольской церкви, построенной в 40-х гг. XVIII в. [59. С. 70, 95; 62. С. 260]. На верхнем и нижнем посадах города также изучено несколько участков культурного слоя с захоронениями, осуществленными по традиционному православному погребальному обряду [53. С. 30].

Процесс российской колонизации Зауралья и Сибири резко увеличил потребности населения в различных товарах, что, соответственно, привело к активизации налаживания внешних торговых связей и формированию местных производств, ориентированных на внутреннюю реализацию на городском рынке [63, 64]. Тобольск, основанный на пересечении транзитных торговых путей, был связующим звеном сибирского региона с Центральной Россией, Европой и Азией [65. С. 120]. Если анализировать данные исторических источников, то развитие тобольского рынка происходило в сторону расширения ассортимента как импортных, так и товаров местного производства, необходимых для активного обмена.

В первой четверти XVII в. в российской столице Сибири существовало мелкотоварное производство, прежде всего кожевенное, мыловаренное, дерево- и металлообрабатывающее, портняжное, многие привозные товары стали вытесняться местными, продаваемыми и в других сибирских городах и деревнях, что привело к укреплению и расширению торговых связей Тобольска. В конце XVII – начале XVIII в. появились небольшие предприятия в винокурении, стекольно-фаянсовом и суконном производствах, крупные кожевенные заводы, ориентированные на внутренних и внешний рынок [63. С. 25–61]. В конце XVIII–XIX в. также действовали салотопенные, клееварные и свечные заведения, получила развитие писчебумажная промышленность [66, 67].

Как известно по историческим источникам, в XIX в. Тобольск утратил свое влияние не только как админи-

стративно-политический, но и как главный торговый центр Сибири, что связано с перемещением сухопутного сибирского тракта от Екатеринбурга на Тюмень, через Ялуторовск и Ишим [58. С. 59–61]. В целом историческая интерпретация обнаруженных на площади столичного города в ходе раскопок объектов (производственных сооружений, посадских жилых построек, усадеб, торговых рядов, городских укреплений, мостовых, фундаментов церквей, приходских кладбищ, тюремного двора и др.) дает возможность утверждать, что Тобольск с момента своего основания был полифункциональным городом, являвшимся военным, административно-политическим, торгово-ремесленным, духовным и культурным центром сибирского края. Лишившись столичных управленческих функций и главных торговых транзитных путей, он превратился в уездный город дореволюционной России.

Таким образом, на археологических материалах лесостепной и подтаежной зон Зауралья можно проследить зарождение укрепленных поселений и трансформацию их в протогорода. Они появились в период поздней бронзы, количество их возросло в раннем железном веке, в этот же период наблюдалось большое разнообразие форм и схем фортификаций – шел поиск оптимальных решений, выделялись крупные социально-экономические центры. Городское поселение приобретало в ходе исторического развития самые различные формы, последовательно сменявшие либо дополнявшие друг друга, – от крепостей до военного, политического и административного центра сибирского края. Факторы, влияющие на зарождение и развитие прото-городов и городов, следующие: климатический и связанный с ним миграционный, что создавало социальную напряженность в обществе; социально-экономический (стратификация общества, торговля, обмен, ремесло) и поттестарный; формирование в городах административно-управленческих центров. Без сомнения, свою роль играли и пути сообщения, сырьевые ресурсы и связанные с ними производственные центры. К сожалению, построению более точной модели урбанизации Зауралья препятствуют малая изученность и отсутствие точных датировок ряда поселений для древних эпох, что затрудняет определение их функционального назначения и социально-экономического статуса. Тем не менее полагаем, что предложенный нами ракурс рассмотрения археологических материалов ставит новые задачи в их интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
- Гутнов А.Э., Глазых В.Л. Мир архитектуры : лицо города. М. : Молодая гвардия, 1990. 352 с.
- Новый энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл. : РИПОЛ классик, 2007. 1456 с.
- Илюшина В.В. Эволюция культуры лесостепной части Западной Сибири второй четверти II – середины I тыс. до н.э. : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2011. 26 с.
- Аношко О.М. Теоретико-методологические и методические основы исследования процесса урбанизации Сибири // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. Вып. 4. С. 4–12.
- Молодин В.И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний : Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археологической конф. Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 22–24.
- Аношко О.М., Агапетова Т.А. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир : сб. ст. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. С. 118–137.

8. Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень : Тюменский дом печати, 2009. 416 с.
9. Кушнарева К.Х. К вопросу об обороне поселений Южного Кавказа (IX–II тыс. до н.э.) // Фортификация в древности и средневековье. СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН, 1995. С. 7–11.
10. Рысин М.Б. Фортификация Юго-Восточной Европы в эпоху бронзы // Фортификация в древности и средневековье. СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН, 1995. С. 17–21.
11. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. 188 с.
12. Зими́на О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н., Колмогоров П.А., Галкин В.Т., Аношко О.М. Городище Чеганово 3 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 58–72.
13. Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1 : препринт. Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1993. 76 с.
14. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). М. : Паимс, 1995. 157 с.
15. Ткачев А.А. Культурно-хронологические комплексы Абатского Приишимья (по материалам городища Абатское VI). Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 40–44.
16. Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. 1991. Вып. 20. С. 102–114.
17. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М. : Наука, 1984. 244 с.
18. Сизов О.С., Зими́на О.Ю. Особенности системы жизнеобеспечения и пространственного размещения поселений иткульской культуры в Притоболье (VIII–VI вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 150–159.
19. Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск : Наука, 2009. 232 с.
20. Цембалюк С.И. Байтовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 20 с.
21. Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 57–64.
22. Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.
23. Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы – средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 79–86.
24. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск : Наука, 2000. 399 с.
25. Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.
26. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище Новосибирск: Наука, 2008. 240 с. (Древности Ингальской долины: археолого-палеоэкологическое исследование; вып. 2).
27. Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 112–143.
28. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения западной Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
29. Матвеева Н.П., Алиева Т.А. Башни в фортификационном строительстве раннего железного века (саргатская культура) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 140–143.
30. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. : (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, О.А. Сахарова. Екатеринбург–Сургут : Магелан, 2009. 298 с.
31. Сальников К.В. Городище Чудайи в Челябинской области по раскопкам 1937 г. // Советская археология. 1947. Вып. 9. С. 221–238.
32. Козеко О.Е., Кузнецова А.Э. Мало-Казакбаевское городище гороховской культуры // Поселения: среда, культура, социум : материалы тематической науч. конф. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1998. С. 117–119.
33. Берлина С.В. Крепости гороховской культуры в системе укреплений эпохи раннего железа западно-сибирской лесостепи // Человек и Север: археология, антропология, экология : материалы Всерос. конф. Тюмень, 26–30 марта 2012 г. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 88–91.
34. Берлина С.В. Городище гороховской культуры Марьино устье IV // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. памяти В.А. Могильникова. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. Вып. 9. С. 96–101.
35. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 239 с.
36. Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Фортификации городища Ласточкино гнездо-I эпохи средневековья: к проблеме культурных контактов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 69–76.
37. Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв.) // Вопросы археологии Урала. 1969. Вып. 8. С. 102–127.
38. Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.
39. Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Ученые записки Пермского государственного университета. 1968. № 191. С. 240–256.
40. Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 1997. С. 245–262.
41. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. Вып. 6. С. 105–116.
42. Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 19 с.
43. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. 168 с.
44. Парунин А.В. Русские летописи как источник по истории Тюменского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. С. 57–64.
45. Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1994. 190 с.
46. Семенова В.И. Археология и картография города Тюмени (о соотношении русской и местной традиций в городском ландшафте) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 48–51.
47. Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука, Вост. лит., 2017. 559 с.
48. Зыков А.П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 145–153.
49. Вилков О.Н. Сибирский город конца XVII – первой четверти XVIII века в современной русской советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. С. 39–42.

50. Черная М.П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3 (7). С. 95–112.
51. Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях земляного вала г. Тобольска летом 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 111504.
52. Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках в нагорной исторической части г. Тобольска Тюменской области по ул. Октябрьская, произведенных летом 1998 года // Научный архив ГТИАМЗ.
53. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск : археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
54. Матвеев А.В., Аношко О.М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень : Тюмен. изд. дом, 2011. С. 49–55.
55. Аношко О.М., Игнатов С.В. Особенности ранней застройки Тобольска по археологическим данным // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. Вып. 6. С. 78–90.
56. Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. Вып. 4. С. 76–91.
57. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск : Наука, 1974. 252 с.
58. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. 224 с.
59. Кочеданов В.И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень : Кн. изд-во, 1963. 156 с.
60. Софронов В.Ю. Тобольск – культурный центр Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 33 с.
61. Матвеев А.В., Аношко О.М., Алиева Т.А. Тобольская панаяга // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 2 (50). С. 104–113.
62. Данилов П.Г. Археологические исследования на месте Никольской церкви Тобольского кремля // Тобольск научный – 2013 : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2013. С. 259–260.
63. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М. : Наука, 1967. 324 с.
64. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск : Наука, 1992. 154 с.
65. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 316 с.
66. Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири второй половины XIX в. Новосибирск : Наука, 1978. 393 с.
67. Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Свердловск : Изд-во СГПИ, 1973. 265 с.

Oksana M. Anoshko, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: okanoshko@yandex.ru

Svetlana V. Berlina, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svb82@mail.ru

Svetlana I. Tsembalyuk, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svetac80@mail.ru

TO THE PROBLEM OF URBANIZATION OF TRANS-URALS: GENESIS, DEVELOPMENT AND FUNCTION OF URBAN STRUCTURES

Keywords: Trans-Urals, a model of urbanization, proto-cities, urban structures

The article is devoted to the origins of urbanization in Western Siberia, which should be associated with the formation of ancient fortified settlements – fortresses that appeared on this territory in the Bronze Age and proto-cities formed in the early Iron Age. The first simple fortifications in the form of stockades or fortified dwellings in the forest-steppe zone of Trans-Urals were fixed on the materials of the Bronze Age monuments. During this period their number was insignificant, it is known about 12, the bulk continued to be unfortified settlement. The increase in the number of hillforts was greater in the transition from the Bronze Age to the Iron Age (45). They were round-oval hillforts with an area up to 4 hectares. There were major suburbs around them. The citadels of the time were poorly fortified fences. The appearance of first fortifications is connected with the destabilization of the political situation in the region as a result of the influx of migrants from the North of Western Siberia. Then the strengthening of the village with a palisade or a fence was not a defensive measure but probably ideological in nature. The aim was to preserve their cultural traditions within phratry. In the Early Iron Age the number of hillforts increases and stands more than 70 in the forest-steppe zone of Trans-Urals. Within this period the dynamics of fortification is well traced. Already at that time there was specialization of fortified settlements as centers of metalworking, import, exchange, cooperation of foreign population. The fortresses became the centers of origin and transmission of cultural innovation, and the process of urbanization and the resulting changes in the ancient and medieval societies to the greatest extent determined the development of the region.

The process of urbanization of the Trans-Urals between two ages was influenced by the Great Migration, which was a kind of inhibitor. An outflow of the population to the west led to a dramatic decrease in the number of fortresses in the Medieval Age, but parameters and protective functions of hillforts increased at the same time. Archaeological materials demonstrate that the socioeconomic status of some hillforts, which performed not only a defensive function, but also had administrative, political and religious significance, substantially increased at that time. The actual formation of towns began after the Tyumen Khanate was formed in the Trans-Urals with its capital Chimgi-Tura (and, lately, Isker). When Siberia was annexed to the Moscow state and the Russian population began to assimilate it, the towns received a new impetus for their further development. Archaeological materials obtained during the excavations at those monuments demonstrate that urban settlements that appeared in Siberia during its colonization not only served as military and administrative fortresses, but also were bases of handicraft, industry and agriculture. Tobolsk, which was the first settlement in Siberia to receive the official status of a town, is one of the most striking examples.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
2. Gutnov, A.E. & Glazychev, V.L. (1990) *Mir arkhitektury: litso goroda* [The World of Architecture: The Face of the City]. Moscow: Molodaya gvardiya.
3. Baranova, E.A., Bazhenov, N.L. & Barsukov, G.A. (2007) *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'* [New Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya rus. Entsiklopediya; RIPOL klassik.
4. Ilyushina, V.V. (2011) *Evolutsiya kul'tury lesostepnoy chasti Zapadnoy Sibiri vtoroy chetverti II – serediny I tys. do n.e.* [The evolution of the culture of the forest-steppe part of Western Siberia in the second quarter of the 2nd – the middle of the 1st millennium BC]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Chelyabinsk.

5. Anoshko, O.M. (2012) Teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie osnovy issledovaniya protsessa urbanizatsii Sibiri [Theoretical and methodological foundations of the study of the process of Siberian urbanization]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [AB ORIGINE: archaeological and ethnographic collection of Tyumen State University]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 4–12.
6. Molodin, V.I. (2010) Ekologicheskiy "stress" na rubezhe II–I tys. do n.e. i ego vliyanie na etnokul'turnye i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy u narodov Zapadnoy Sibiri [The ecological "stress" at the turn of II–I millennium BC and its influence on ethno-cultural and socio-economic processes among the peoples of Western Siberia]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadnosibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in the Historical Context: the Experience of Western Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Proc. of the 15th International Conference. Tomsk, May 19–21, 2010. Tomsk: Agraf-Press. pp. 22–24.
7. Anoshko, O.M. & Agapetova, T.A. (2010) Novye dannye po pakhomovskoy kul'ture v Tobolo-Iset'e [New data on the Pakhomovskaya culture in Tobol-Isetye]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *Andronovskiy mir* [The Andronov World]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 118–137.
8. Matveev, A.V. & Anoshko, O.M. (2009) *Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaya kul'tura* [The Trans-Urals after the Andronovites: The Barkhatovo culture]. Tyumen: Tyumenskiy dom pečati.
9. Kushnareva, K.Kh. (1995) K voprosu ob oborone poseleniy Yuzhnogo Kavkaza (IX–II tys. do n.e.) [On the defense of the settlements in the South Caucasus (9th – 2nd millennium BC)]. In: Khlopin, I.N. (ed.) *Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'e* [Fortification in the Old and Middle Ages]. St. Petersburg: RAS. pp. 7–11.
10. Rysin, M.B. (1995) Fortifikatsiya Yugo-Vostochnoy Evropy v epokhu bronzy [Fortification of South-Eastern Europe in the Bronze Age]. In: Khlopin, I.N. (ed.) *Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'e* [Fortification in the Old and Middle Ages]. St. Petersburg: RAS. pp. 17–21.
11. Borzunov, V.A. (1992) *Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zhelezного vekov* [Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Ekaterinburg: Ural State University.
12. Zimina, O.Yu., Zakh, V.A., Skochina, S.N., Kolmogorov, P.A., Galkin, V.T. & Anoshko, O.M. (2005) Gorodishche Cheganovo 3 v Nizhnem Pritobol'e [Settlement Cheganovo 3 in the Lower Tobol region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 58–72.
13. Matveev, A.V. & Gorelov, V.V. (1993) *Gorodishche Efimovo 1: preprint* [Settlement Efimovo 1: preprint]. Tyumen: SB RAS.
14. Potemkina, T.M., Korochkova, O.N. & Stefanov, V.I. (1995) *Lesnoe Tobolo-Irtyshe v kontse epokhi bronzy (po materialam Chudskoy gory)* [The Forest Tobol-Irtys at the end of the Bronze Age (based on materials from Chudskaya Mountain)]. Moscow: Pains.
15. Tkachev, A.A. (2003) *Kul'turno-khronologicheskie komplekсы Abatskogo Priishim'ya (po materialam gorodishcha Abatskoe VI)* [Cultural and chronological complexes of the Abat Priishimye (based on the materials of Abatskoe VI settlement)]. Tyumen: SB RAS. pp. 40–44.
16. Beltikova, G.V., Borzunov, V.A. & Koryakova, L.N. (1991) Nekotorye problemy arkheologii rannego zhelezного века Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Some problems of archeology of the early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia]. *Voprosy arkheologii Urala*. 20. pp. 102–114.
17. Kosarev, M.F. (1984) *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* [Western Siberia in the Old Age]. Moscow: Nauka.
18. Sizov, O.S. & Zimina, O.Yu. (2012) Osobennosti sistemy zhizneobespecheniya i prostranstvennogo razmeshcheniya poseleniy itkul'skoy kul'tury v Pritobol'e (VIII–VI vv. do n.e.) [Features of the life support system and spatial distribution of settlements of the Itkul culture in the Tobol region (8th – 6th centuries BC)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(19). pp. 150–159.
19. Zimina, O.Yu. & Zakh, V.A. (2009) *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zhelezного vekov* [The Lower Tobol region at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Novosibirsk: Nauka.
20. Tsembalyuk, S.I. (2017) *Baitovskaya kul'tura nachala rannego zhelezного века v lesostepnom i podtaezhnem Pritobol'e* [The Bait culture of the beginning of the early Iron Age in the forest-steppe and subtaiga regions of the Tobol region]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen'.
21. Tsembalyuk, S.I. (2009) *Kharakteristika poseleniy i zhilishch baitovskoy kul'tury* [Characteristics of settlements and dwellings of the Bait culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 10. pp. 57–64.
22. Tsembalyuk, S.I. & Berlina, S.V. (2014) *Kompleks rannego zhelezного века gorodishcha Likhachevskoe v Priishim'e* [The complex of the Early Iron Age of the ancient settlement Likhachevskoe in the Ishim region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(26). pp. 55–65.
23. Berlina, S.V., Kostomarov, V.M. & Popov, N.A. (2013) *Gorodishcha lesnogo Tobolo-Ishim'ya v epokhu bronzy – srednevekov'e (opyt klassifikatsii i analiza v srede GIS)* [Settlements of the forest Tobol-Ishim in the Bronze Age – the Middle Ages (an experiment of classification and analysis in the GIS)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(22). pp. 79–86.
24. Matveeva, N.P. (2000) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zhelezном веке (lesostepnaya i podtaezhnaya zony)* [Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the early Iron Age (the forest-steppe and subtaiga zones)]. Novosibirsk: Nauka.
25. Berlina, S.V. (2010) *Zhilaya i oboronitel'naya arkhitektura naseleniya zapadnosibirskoy lesostepi v rannem zhelezном веке (po materialam sargatskoy kul'tury)* [Residential and defensive architecture of the population of the West Siberian forest-steppe in the early Iron Age (a case study of the Sargat culture)]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
26. Matveeva, N.P., Berlina, S.V. & Rafikova, T.N. (2008) *Kolovskoe gorodishche* [The Kolovsky settlement]. Novosibirsk: Nauka.
27. Khabdulina, M.K. (1993) *Gorodishche Ak-Tau kak arkhitekturnyy kompleks* [The Ak-Tau settlement as an architectural complex]. In: Koryakova, L.N. (ed.) *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e* [Knowledge and Skills of the Ural Population in the Old and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Nauka. pp. 112–143.
28. Matveeva, N.P., Larina, N.S., Berlina, S.V. & Chikunova, I.Yu. (2005) *Kompleksnoe izuchenie usloviy zhizni drevnego naseleniya zapadnoy Sibiri* [A comprehensive study of the Living Conditions of the Ancient Population in Western Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
29. Matveeva, N.P. & Alieva, T.A. (2016) The watch-towers of the defensive structures in Early Iron Age (the culture of Sargatka). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 140–143. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/25
30. Koryakova, L.N., Deyr, M.I., Kovrigin, A.A., Sharapova, S.V. et al. (2009) *Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e.: (po materialam Pavlinovskogo arkheologicheskogo kompleksa)* [The environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the 1st millennium BC: (a case study of the Pavlinovsky archaeological complex)]. Ekaterinburg: Surgut: Magellan.
31. Salnikov, K.V. (1947) *Gorodishche Chudaki v Chelyabinskoy oblasti po raskopkam 1937 g.* [The Chudaki settlement in Chelyabinsk Region according to the excavations in 1937]. *Sovetskaya arkheologiya*. 9. pp. 221–238.
32. Kozeko, O.E. & Kuznetsova, A.E. (1998) *Malo-Kazakbaevskoe gorodishche gorokhovskoy kul'tury* [The Malo-Kazakbaevsky settlement of the Gorokhovskaya culture]. In: Savinov, D.G., Sedykh, V.N. & Petrov, N.I. (eds) *Poseleniya: sreda, kul'tura, sotsium* [Settlements: environment, culture, society]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 117–119.
33. Berlina, S.V. (2012) *Kreposti gorokhovskoy kul'tury v sisteme ukrepleniya epokhi rannego zheleza zapadno-sibirskoy lesostepi* [Fortresses of the Gorokhovskaya culture in the system of fortifications of the Early Iron Age in the West Siberian forest-steppe]. *Chelovek i Sever: arkheologiya, antropologiya, ekologiya* [Human and the North]. Proc. of the Conference. Tyumen, March 26–30, 2012. Tyumen: SB RAS. pp. 88–91.
34. Berlina, S.V. (2014) *Gorodishche gorokhovskoy kul'tury Mar'ino ushel'e IV* [The Maryino Gorge IV settlement of the Gorokhovskaya culture]. *Voprosy istorii Sibiri*. 9. pp. 96–101.
35. Koryakova, L.N. (1988) *Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura)* [The Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (the Sargat culture)]. Sverdlovsk: Ural State University.
36. Rafikova, T.N. & Berlina, S.V. (2014) *Fortifikatsii gorodishcha Lastochkino gnezdo-1 epokhi srednevekov'ya: k probleme kul'turnykh kontaktov* [Fortifications of the ancient settlement Swallow's Nest-1 of the Middle Ages: to the problem of cultural contacts]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(27). pp. 69–76.

37. Gening, V.F. & Evdokimov, V.V. (1969) Loginovskoe gorodishche (VI–VII vv.) [The Loginovskoye ancient settlement (VI–VII centuries)]. *Voprosy arkheologii Urala*. 8. pp. 102–127.
38. Rafikova, T.N., Berlina, S.V., Kaydalov, A.I. & Sechko, E.A. (2013) Fortifikatsii rannego i razvitogo srednevekov'ya lesostepnogo i podtaezhnogo Zaural'ya [Fortifications of the Early and High Middle Ages in the Forest-Steppe and Subtaiga Trans-Urals]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(23). pp. 42–51.
39. Viktorova, V.D. (1968) Pamyatniki lesnogo Zaural'ya v X–XIII vv. n.e. [Monuments of the forest Trans-Urals in the 10th – 13th centuries AD]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. 191. pp. 240–256.
40. Matveeva, N.P. (1997) Novye srednevekovye pamyatniki iz severnoy lesostepi Pritobol'ya [New medieval monuments from the northern forest-steppe of the Tobol region]. In: Bobrova, A.I. (ed.) *Aktual'nye problemy drevney i srednevekovoy istorii Sibiri* [Topical Problems of Ancient and Medieval History of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 245–262.
41. Matveeva, N.P. & Rafikova, T.N. (2005) Novye dannye o yudinskoy kul'ture (po materialam Krivolukskogo gorodishcha) [New data on the Yudinsky culture (a case study of the Krivoluk settlement)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 105–116.
42. Rafikova, T.N. (2011) *Bakal'skaya kul'tura lesostepnogo i podtaezhnogo Tobolo-Ishim'ya* [The Bakalskaya culture of the forest-steppe and subtaiga Tobol-Ishim region]. Abstract of the History Cand. Diss. Tyumen.
43. Maslyuzhenko, D.N. (2008) *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [The ethnopolitical history of the forest-steppe Tobol region in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State University.
44. Parunin, A.V. (2013) Russkie letopisi kak istochnik po istorii Tyumenskogo khanstva [Russian chronicles as a source for the history of the Tyumen Khanate]. In: Zagidullin, I.K. (ed.) *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Vol. 5. Kazan: AS RT. pp. 57–64.
45. Matveeva, N.P., Matveev, A.V. & Zakh, V.A. (1994) *Arkheologicheskie puteshestviya po Tyumeni i ee okrestnostyam* [Archaeological travels in Tyumen and its environs]. Tyumen: SB RAS.
46. Semenova, V.I. (2013) Archeology and cartography of city of Tyumen (about a parity of Russian and local traditions in a city landscape). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 48–51. (In Russian).
47. Zykov, A.P., Kosintsev, P.A. & Trepavlov, V.V. (2017) *Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [The city of Sibir – the Isker settlement (a historical and archaeological research)]. Moscow: Nauka, Vost. lit.
48. Zykov, A.P. (2012) Archaeological study of Isker fortress. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 3(36). pp. 145–153. (In Russian).
49. Vilkov, O.N. (1981) Sibirskiy gorod kontsa XVII – pervoy chetverti XVIII veka v sovremennoy russkoy sovetsskoy istoriografii [A Siberian city of the late 17th – first quarter of the 18th century in the modern Soviet historiography]. In: *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Siberia in the past, present and future]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 39–42.
50. Chernaya, M.P. (2009) Sibirskiy gorod kontsa XVI – nachala XVIII v. v istoriko-arkheologicheskom otazhenii (istoriograficheskiy aspekt) [A Siberian city of the late 16th – early 18th centuries in the historical and archaeological reflection (a historiographical aspect)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(7). pp. 95–112.
51. Belyaev, L.A. (1986) *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh zemlyanogo vala g. Tobol'ska letom 1986 g.* [Report on the archaeological research of the earthen rampart in Tobolsk in the summer of 1986]. The Archive of IA RAS. R-1. № 111504.
52. Sladkova, L.N. (1998) *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v nagornoy istoricheskoy chasti g. Tobol'ska Tyumenskoy oblasti po ul. Oktyabr'skaya, proizvedennykh letom 1998 goda* [Report on archaeological excavations in the mountainous historical part of Tobolsk, Tyumen Region, on Oktyabr'skaya St., compiled in the summer of 1998]. The Scholarly Archive of TGIAMZ.
53. Adamov, A.A., Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2008) *Gorod Tobol'sk: arkheologicheskiy ocherk* [The City of Tobolsk: An Archaeological Essay]. Tobolsk: [s.n.].
54. Matveev, A.V. & Anoshko, O.M. (2011) Arkheologicheskie otkrytiya v Tobol'ske [Archaeological discoveries in Tobolsk]. In: *Nasledie Tyumenskoy oblasti* [Heritage of Tyumen Region]. Tyumen: Tyumen. izd. dom. pp. 49–55.
55. Anoshko, O.M. & Ignatov, S.V. (2014) Osobennosti ranney zastroyki Tobol'ska po arkheologicheskim dannym [The early development of Tobolsk according to archaeological data]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [AB ORIGINE: archaeological and ethnographic collection of Tyumen State University]. Vol. 6. Tyumen: Tyumen State University. pp. 78–90.
56. Matveev, A.V., Anoshko, O.M. & Klimenko, A.I. (2012) Ostatki starinnykh tobol'skikh ukrepleniy na mysu Chukman [Remains of ancient Tobolsk fortifications on Cape Chukman]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [AB ORIGINE: archaeological and ethnographic collection of Tyumen State University]. Vol. 4. Tyumen: Tyumen State University. pp. 76–91.
57. Kopylov, A.N. (1974) *Ocherki kul'turnoy zhizni Sibiri XVII – nachala XIX v.* [Essays on the cultural life of Siberia in the 17th – early 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
58. Kopylov, D.I. & Pribylskiy, Yu.P. (1975) *Tobolsk*. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
59. Kochedamov, V.I. (1963) *Tobol'sk (kak ros i stroilsya gorod)* [Tobolsk (how the city developed and was constructed)]. Tyumen: Kn. izd-vo.
60. Sofronov, V.Yu. (1999) *Tobol'sk – kul'turnyy tsentr Zapadnoy Sibiri v XVIII v.* [Tobolsk as the cultural center of Western Siberia in the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
61. Matveev, A.V., Anoshko, O.M. & Alieva, T.A. (2012) Tobol'skaya panagiya [The Tobolsk Panagia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2(50). pp. 104–113.
62. Danilov, P.G. (2013) Arkheologicheskie issledovaniya na meste Nikol'skoy tserkvi Tobol'skogo kremlya [The archaeological research on the site of the St. Nicholas Church of the Tobolsk Kremlin]. *Tobol'sk nauchnyy – 2013* [The Scientific Tobolsk – 2013]. Proc. of the Tenth Conference. Tobolsk. pp. 259–260.
63. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [The craft and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
64. Rezun, D.Ya. & Besedina, O.N. (1992) *Gorodskie yarmarki Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [The city fairs of Siberia in the 18th – first half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka.
65. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
66. Bochanova, G.A. (1978) *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX v.* [Manufacturing industry of Western Siberia in the second half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka.
67. Kopylov, D.I. (1973) *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoy Sibiri v XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Manufacturing industry of Western Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute.